

«Невестка без опыта — не свекровь, а простой солдат без боёв и почитания старших — не командир»? Нужно уступать, нужно уважать, тогда старшие тебя поучат? В этих словах было столько несурзального, что он даже не знал, с чего начать их разбивать.

Девушка, а ты себя хоть за человека считаешь? Хоть каплю самоуважения имеешь? Зная, что статус невысок, не смеешь перечить, не смеешь мечтать о месте главной жены, всю жизнь стремишься, а цель — стать наложницей?

Иногда, если человек упорно притворяется спящим, даже пощёчина не разбудит.

Гу Тин не стал с ней препираться — толку всё равно не будет. Он лишь слегка опустил веки:

— Прошу прощения за бестактность, но я что-то не заметил, чтобы вы, барышня, сражались на передовой. Неужто ныне командир?

Сюй Инлань опешила. Она... такое говорила?

Гу Тин взглянул на свою собственную тощую фигуру и вздохнул:

— Увы, я слишком тщедушен, и хоть страстно мечтаю о воинской доблести, осуществить это не могу. До сих пор на границе не бывал.

Сюй Инлань чутко уловила нотку насмешки и рассвирепела:

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я!

— Понимаю, — Гу Тин мигнул. — Барышня на собственном примере учит меня, что чтобы стать командиром, храбро рубиться — дело второстепенное. Главное — понимать принцип старшинства и ублажать начальство.

Собравшийся народ дружно загоготал.

Слова звучали уж очень неприятно, да и мысли за ними скрывались нечистые. Если все начнут хитрить да интриговать, как же побеждать на войне? Сражения выигрывают в бою! Если бы всё решали уловки, к чему тогда полководцы, к чему тогда князь — Страж Севера?

Поначалу слова Сюй Инлань об уважении к старшим не вызывали отторжения, но после такой трактовки от Гу Тина взгляды на неё резко переменялись.

Сюй Инлань почувяла, что ветер переменялся, и не решилась развивать тему дальше. Она не могла больше разыгрывать карту «старшей». Вместо этого девушка указала на табличку над воротами резиденции:

— Я говорю об этом месте! Ты же хочешь внутрь попасть? Попроси меня как следует — и я тебя проведу!

Гу Тин улыбнулся.

Улыбнулся так, словно весенний свет заиграл вокруг, ярко и беззаботно.

Он сделал два шага вперёд, понизил голос, и взгляд его стал многозначительным:

— А если я захочу войти, разве мне потребуется ваша помощь, барышня?

Сюй Инлань уловила скрытый смысл и покраснела:

— Ты вообще слушал, что я — !

Гу Тин переступил ещё на шаг, перебивая её:

— Барышня права. В некоторых делах действительно нужно считаться со старшинством, с очерёдностью. Вы так спешите... Верно, потому что сами никак не можете приблизиться к князю? Может, вам стоит попросить меня? Снизойдите, проявите уважение — и я, быть может, вас поучу.

Сюй Инлань залилась краской:

— Т-ты... Бесстыдник!

Гу Тин опустил уголки глаз:

— Лучше быть тем, кто смеет делать и нести ответственность, чем тем, кто лишь намекает и даже в мыслях своих боится признаться.

Пока другие прятались за намёками, он сорвал все покровы и высказал всё открыто.

Подлеца, который не скрывает своей подлости, порой принять легче, чем лицемера. Потому что он откровенен в своих желаниях и поступках. Мир смеётся над бедностью, но не над продажностью. А больше всего ненавидит тех, кто торгует собой, но при этом ставит себе памятники.

Как и ожидалось, народ зашумел ещё громче.

Часть смеялась над дерзостью Гу Тина, но большая часть — уже над самой Сюй Инлань.

Сюй Инлань отроду не знала такого унижения:

— Гу! Как ты смеешь!

На лице Гу Тина отразилось непорочное неведение:

— Вы меня остановили, вы начали поучать, вы, проиграв в словесной перепалке, теперь изображаете обиду. Что, все истины в вашем кармане? Я вас ударил? Оскорбил?

— Сам напросился!

— Эй, девушка, слабовато вы парируете!

— А этот юноша изящен и неординарен. Похоже, языком орудовать — его конёк?

— Ещё бы! Ведь он же «сокровище сердца»! Князь, небось, частенько с ним... практикуется!

Обычный человек сторел бы от стыда, услышав такое. Но Гу Тин был не таков. Он даже с лёгкой напускной важностью поклонился в сторону говорившего, будто принимая комплимент.

— Ву-ух! — Толпа взревела от восторга, перешучиваясь и покатываясь со смеху.

Сердце Сюй Инлань бешено заколотилось. Только сейчас она осознала: сегодняшний ход был

ошибкой! Но откуда же ей было знать, что этот тип окажется таким наглым и бесстыжим! При всём честном народе — и такие речи! Неужели он не боится гнева князя?

Что делать? Что делать? Кто-нибудь, спасите! Иначе дальше — только позор, и о вхождении в резиденцию можно забыть.

Видно, небеса услышали её молитвы. Раздался голос, явившийся её спасителем.

— Братец Тин, обижать женщину среди бела дня — не по-мужски, как-никак.

Толпа расступилась, и Гу Цинчан, заложив руки за спину, неспешно приблизился:

— В Поднебесной множество путей. Есть путь правильный — есть и ложный. Есть места, где вода — есть и где засуха. Всегда найдутся те, кто следует кривой дорожкой, вредя потомству и народу, вызывая всеобщее презрение... Братец Тин, в речах своих будь осмотрительнее.

Какими бы высокопарными ни были слова о «правильных и ложных путях», «воде и засухе», но фраза «вредя потомству» прозвучала уже откровенно оскорбительно.

Гу Тин прищурился, взгляд его быстро метнулся между Гу Цинчаном и Сюй Инлань.

Знакомы? Не похоже.

Значит, «враг моего врага — мой друг».

Гу Цинчан хочет заполучить Сюй Инлань в союзницы против него? Но эта явно не блещет умом, запросто станет обузой. Что он в ней нашёл?

Братец, ты только потом не жалеяй.

Гу Тин, прижимая к груди ручную жаровню и уткнув подбородок в густой мех воротника, сиял улыбкой:

— Слова братца я не понял. Зимой мы жаждем тепла, летом — прохлады. Все в мире таковы. Что хорошо — зависит от того, чего в данный момент недостаёт. Например, пшеница на севере любит засуху, а рис на юге — воду. Скажи, что же лучше — вода или засуха? И кто же здесь тот, кого все презирают, — ложный путь?

Гу Цинчан на миг опешил, не зная, как ответить.

На севере любят мучное, южане без риса жить не могут. На что мне отвечать? На разжигание распри между Севером и Югом? Нет уж, я в эту ловушку не попаду!

Гу Тин знал, что его старший братец не лишён хитрости и на такую удочку не клюнет. Он слегка приподнял подбородок, выражение лица было спокойным и уверенным, слова — чёткими и твёрдыми:

— Князя — Стражи Севера поколениями охраняли рубежи. Какими бы тяжёлыми ни были битвы, какие бы метели ни свирепствовали — боевое знамя не падало, армия Стражей Севера не отступала. Их не сломили ни хвори, ни враги. Даже пав, они не позволили границе Великой Дася отступить ни на шаг! Князь, чьё имя заставляет детей Северных Ди замирать в ночном плаче, чьей плоти и крови жаждут варвары, — наш народ почитает и обожествляет. Скажи, он хорош или нет?

Этот вопрос... Гу Цинчан ответить побоялся ещё больше. Как он умудрился всё это связать? Что вообще творится в голове у Гу Тина!

Гу Тин сделал шаг вперёд:

— Князь — Страж Севера в три года начал учиться, в пять — взял в руки меч, в одиннадцать — впервые ступил на поле боя. И вот уже больше десяти лет он не знает иной заботы, кроме защиты границ. У него не было времени ухаживать за престарелой бабушкой, наставлять младших брата и сестру, даже взять главную жену. И никто не упрекнул его, не осудил, лишь сердцем болел за него. Неужели же он не заслуживает права иметь хоть какие-то свои предпочтения и жить не по вашим «правильным» канонам?!

Собравшиеся ахнули.

Гу Цинчан невольно отступил на несколько шагов и закричал:

— Я никогда такого не говорил!

Гу Тин невозмутимо поднял бровь:

— О, в самом деле?

Гу Цинчан тыкнул пальцем в сторону Сюй Инлань:

— Я лишь вступаю за неё! Она всего лишь женщина, стоит ли её так унижать?!

— Да исчезнешь ты! — Ещё Гу Тин не успел открыть рот, как Мэн Чжэнь, словно маленькая пушечка, врезался в круг и принялся тыкать пальцем в нос Гу Цинчану:

— Как тебе не стыдно! Вы от одного отца, братья! Ты не любишь брата, не жалеешь его, когда его обижают — не защищаешь! При всём честном народе — и не только не вступился, так ещё и с другими заодно брата поносишь! Ты человек вообще?! Ты не достоин зваться его братом, не имеешь права в его дела соваться! Бесстыдник, бесстыдник, бесстыдник!

Гу Цинчан:

— ...

Он не мог прийти в себя, в голове гудело эхо: «Бесстыдник, бесстыдник, бесстыдник...»

— И ты тоже бесстыдница! — Мэн Чжэнь перевёл палец на Сюй Инлань:

— Ты кто вообще такая, чтобы тут стоять и такие речи вещать? У тебя есть статус? Князь тебе позволил? Тебе сватов засылали? Ты позорище на улице устраиваешь, а у своего двоюродного брата спросила, согласен ли он? Повезло ему с такой кузиной!

— Я... я...

Сюй Инлань, пылая от стыда, закрыла лицо рукавом и долго не могла вымолвить ни слова.